

А.С. ЗАЙЦЕВ

Чрезвычайный и Полномочный посол РФ,
кандидат экономических наук

Как-то вечером (дело было в конце 1993 г.) ко мне в кабинет вбежал военный атташе полковник А.Н.Буряк. Он был сильно взволнован. «Товарищ посол, - отрапортовал он. - У нас ЧП: из учебно-тренировочного полета на МИГ-21 не вернулся подполковник Н.* из группы наших военных советников. Связь с самолетом потеряна. Предполагаю, что пилот мог совершить вынужденную посадку в джунглях. Другой информацией пока не располагаю».

«Только этого еще не доставало», - пронеслось в голове. В городе уже с утра возобновились вооруженные столкновения между пропрезидентскими силами и сторонниками оппозиционного блока. Едва закончилась эвакуация наших семей в Москву, как **надо** было вывозить через Браззавиль жен и детей сотрудников российского посольства из соседнего Заира, где в

Из почти пятилетнего периода моей работы послом в Браззавиле в начале 90-х гг., богатых на события и у нас в стране, и в Республике Конго (РК), мне особенно запомнился один эпизод.

очередной раз вспыхнули беспорядки...

О случившемся сообщил в Москву. Вместе с министерством обороны РК мы принимали меры по поиску пропавших летчика и самолета, были направлены запросы в сопредельные страны. В посольстве организовали кризисный штаб. На его первом заседании суммировали всю информацию о происшествии. Не исключалась ситуация, когда высокоскоростной МИГ вполне мог оказаться за пределами ограниченной конголезской территории и попасть в труднодоступные районы соседних стран - Габона или Центрально-Африканской Республики (ЦАР). Наихудшим вариантом сочли посадку в Заире, который на тот момент имел натянутые отношения с Конго.

Утро следующего дня я провел в тревожном ожидании новостей. Многократные облеты районов, где предположительно мог сесть самолет, результатов не дали.

Обнаружить следы МИГа, если пилоту даже удалось посадить его в густой лесистой местности, - задача трудновыполнимая, тем более, что самолет не был оборудован аварийным маячком, о чем (как я позже узнал) умалчивали наши военные.

Закончились вторые сутки. Мы не теряли надежды, что летчик жив. Все острее осознавая, что от нашей расторопности зависит жизнь пилота, стали срочно искать дополнительные возможности.

Выяснили, что в соседнем Габоне проводят топографические съемки самолеты, арендованные американской частной компанией, а в Кот-д'Ивуаре находится эскадрилья легких гражданских самолетов Франции. Получив из Москвы «добро», я срочно отправился к французскому и американскому послам. Надо отдать им

* К сожалению, за давностью лет я не помню фамилию и имя летчика. Надеюсь, эта публикация поможет нам узнать имя героя.

должное - на мое обращение они отреагировали с пониманием и оперативно. Уже на следующий день два их легких самолета перелетели в Браззавиль.

Весь третий день прошел в интенсивных поисках, уже совместно с прибывшим пополнением. Облеты продолжались и на четвертый день. Опять безуспешно. Французские и американские летчики дипломатично стали намекать на бесперспективность дальнейших усилий.

Сомнения в успехе поисков обострялись ощущением неотвратимости беды. Одновременно росло и предчувствие (это было особенно заметно по поведению руководителя группы военных советников и военного атташе) реакции Москвы, которую нетрудно было предугадать.

Развязка наступила на пятый день. «Нашелся! Подполковник нашелся!» - с радостным криком военный атташе влетел в мой кабинет. Он рассказал, что пропавший летчик объявился сам, позвонив в Браззавиль из отдаленной деревушки в нескольких сотнях километров от конголезской столицы. Об этом только что сообщили из минобороны Конго, а за летчиком на вертолете уже вылетела группа спасателей.

Отлегло. Тут же отправил срочную телеграмму в Москву, предложив поблагодарить через наш МИД французоз и американцев за содействие в поисках российского летчика.

Спустя несколько дней, в воскресенье, руководитель группы военных советников пригласил меня в сауну в военном городке «отметить событие». И добавил, что там будет подполковник Н., который сам расскажет о своих приключениях.

В назначенный час, прихватив с собой, по нашей традиции, бутылку «Столичной», я стоял на пороге сауны, где меня встретил подпоясанный полотенцем генерал, который и познакомил с виновником торжества. Передо мной предстал атлетического телосложения молодой на вид мужчина, как-то сразу расположивший к себе. В глаза бросились многочисленные, едва зажившие глубокие следы на теле от порезов и, видимо, от укусов насекомых. Из скупых ответов подполковника на расспросы за столом и в парилке вырисовыва-

лась следующая картина произошедшего.

«После потери связи с аэродромом, - рассказал он, - сделав несколько кругов, понял, что окончательно сбился с курса. На остатках горючего продолжать его поиски бесперспективно, поэтому срочно стал искать подходящее место для приземления. Разглядев под собой небольшую речку, в надежде, что удастся спасти самолет, решил садиться на воду.

От жесткого удара о воду потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел разбросанные вокруг фрагменты развалившегося на части самолета. В отсутствие аварийного маячка на скорую помощь спасателей не рассчитывал и решил двигаться вдоль реки, рассудив, что рядом с ней больше шансов набрести на людей.

Пробираться пришлось сквозь густые заросли, расчищая путь металлическим обломком самолета. Порезы на руках и ногах от острых ветвей и колючек заматывал кусками, оторванными от одежды. Несмотря на мучившую жажду, пить воду из реки избегал, собирая дождевую воду. Питался тем, что удалось добыть, какими-то плодами и ягодами. О последних не задумывался. По ночам практически не смыкал глаз, с опаской прислушиваясь к непривычным звукам тропического леса и отгоняя от себя насекомых.

За день удавалось продвигнуться вперед немного: сказывались полученный при аварийной посадке удар и усталость. Голода почти не чувствовал: труднее было переносить душную и влажную тропическую жару. Не обнаружил признаков человеческого жилья и в последующие дни. Продолжал двигаться дальше, держась, как и прежде, ближе к речке.

На четвертый, а может, пятый (уже сбился со счета) день скитаний, почти вконец обессиленный, впервые увидел человека, направлявшегося к расположенным неподалеку хижинам. Из последних сил бросился навстречу, что-то крича. Он поначалу шарахнулся в сторону, как от привидения: выбежавший из лесных зарослей, заросший щетиной, в рубищах и ссадинах белый человек, да еще выкрикивающий что-то на непонятном языке, я наверняка являл собой пугающее зрелище. Наконец, когда я уже исчерпал весь свой скудный запас слов на

французском, среди которых чаще всего повторял слова «русский» и «телефон», конголезец, кажется, понял, чего я от него добивался. Он отвел меня, наверное, в дом старосты на краю деревни, где оказался единственный на всю округу телефон. Меня соединили с Браззавилем, объяснив, видимо, что у них объявился какой-то странный русский... В тот же день за мной прилетел вертолет».

Такова вкратце необыкновенная история пропавшего летчика, как она мне запомнилась. Хотя, предполагая, что из-за его скромности многие подробности остались за кадром.

Перед отлетом французских и американских летчиков я пригласил всех участников поисков в посольскую резиденцию. Атмосфера царила приподнятая и дружественная. Конечно же, в центре внимания был подполковник Н. На него буквально набросились за расспросами.

Особенно наседал француз. Всех интересовало в подробностях, как ему, в одиночку, без еды, воды и подручных средств, удалось выжить после стольких дней скитаний по тропическим джунглям. На протяжении всей встречи иностранных летчиков не покидало неподдельное удивление и восхищение «экстраординарным подвигом феноменального русского летчика». Один из них, молодой француз, уже прощаясь на пороге резиденции, не переставал восклицать: «C'est pas possible!» («Как это возможно!»).

Все это случилось незадолго до завершения моей командировки в Республику Конго. Как сложилась в дальнейшем судьба этого мужественного человека? По дошедшим до меня обрывистым сведениям (не ручаюсь за их полную достоверность), в Конго он пробыл недолго, вскоре вернулся в Москву, где состоялся «разбор полетов». По достижении «предельного» для его воинского звания возраста вышел в отставку.

* * *

Перебирая в памяти лица и события почти двадцатилетней давности, хочу отдать должное самоотверженности российских военных специалистов, которые с честью несли нелегкую службу в тропической Африке в сложный период и для нашей страны, и для Республики Конго.